

Новый рассказ Горькаго.

Въ январьской книжкѣ „Вѣстн. Европ.“ будетъ напечатанъ новый рассказъ М. Горькаго, и по содержанию, и по формѣ напоминающій лучшія произведенія писателя.

„Проходящій“, отъ имени котораго ведется рассказъ, встрѣтилъ въ казацкой станицѣ, близъ Кавказа, „шляющихъ за работой“. Тутъ были мужчины и двѣ женщины.

„Ниже и какъ-то замѣтнѣе, вытурнѣе другихъ кланяется казакамъ „голодающій“ тулякъ Каневъ, мужикъ сухой, обгорѣлый, точно головня, съ черной бородой, безпечно разсѣянной по костлявому лицу, съ ласковой улыбкой темныхъ глазъ, глубоко спряченныхъ въ орбиты... На всѣхъ точкахъ землевнѣ своей деревни, прижавшейся гдѣ-то къ пескамъ алексинскаго уѣзда, онъ убѣжденно говорить всегда одно и то же.

— Дѣйствительно, земляца тутъ богатая, а съ людьми я не согласенъ... ни акъ! Въ нашемъ краю народъ куда-те душевнѣе, настоящій русскій народъ, равненія нѣтъ со адъшными! Тутъ — кремни, тутъ души и на трешинкѣ жита.

Каневъ взглядывается на одну изъ соотечественныхъ кампанію женщинъ. Она изъ „шляющихъ“ губернк. „Липо у нея необыкновенно темныя глаза все время играютъ, и каждую минуту мѣняя выраженіе... Въ ней чувствуется что-то не крестьянское...“

Съ нимъ — глуховатый пензенскій паренъ. Его мочили въ кровь, и рязанка, браня нахаламъ, „отирала подоломъ юбки окровавленное лицо избитаго, темныя глаза ея блеснули зло и гнѣвно, а губы бо-гоугодно дрожали, обнажая ровные ряды мелкихъ зубовъ“.

На ночь казаки отобрли у „шляющихъ“ паспорта и заперли ихъ въ пустую войсковую избу. Каневъ присталъ къ рязанкѣ, но отошелъ отъ нея съ разбитой губой. „Проходящій“ увидѣлъ потомъ, какъ она подошла къ пензенскому парню и услышалъ шопотъ.

„Жалко мнѣ тебя — молодой ты, сильный, а живешь зряшно, я и говорю: идемъ-ка со мной.

— Куда?

— На морской берегъ, тамъ, я знаю, есть хорошія мѣста: ты гляди — вонъ, какая земля здѣсь ласковая до человѣка, а тамъ еще лучше...

— Врешь, поди...

— Тихонько ты! А я женщина хорошая, я все умѣю, всякую работу, и заживемъ мы съ тобой хорошо, тихо, на своемъ мѣстѣ... Я те дѣтокъ нарожу — выкормлю!..

Паренъ дурно понялъ рязанку. Она вырвалась и вышла изъ избы. За нею вышелъ „Проходящій“.

Согрѣтая теплымъ словомъ, рязанка раскрыла ему свою душу. Она была выдана за старика-пьяницу, который заставилъ ее продаваться. Когда мужъ и отецъ умерли, матеуха выгнала ее изъ дома.

— Вотъ я и пошла... да и хожу...

— Чего ты ищешь?

— Это у меня обдуманно, это я знаю. Вотъ, погоди — встрѣтится мнѣ хорошій мужикъ, и найдемъ мы съ нимъ землю себѣ.

Найдешь мы ее около Новаго Алона, я тамъ мѣста знаю, была. И вотъ, начнемъ устраивать ее хорошо: садъ будетъ, огородъ и пашня, какъ надо для хозяйства... Устроится мы на хорошему-то, а къ намъ еще люди подойдутъ, а мы уже — старожилы, намъ почетъ отъ нихъ! Такъ еще, да еще и вотъ те новая деревня, хорошее мѣсто. Мужа, глядянь, въ старосты выберутъ. Водила бы я его чисто, бараномъ. А въ саду дѣти играютъ, бесѣдка въ саду-то выстроена... бѣда, какъ хорошо можно жить!

Хорошаго жительствова хочется... Господи! Кабы удалось... Первое дѣло, конечно, мужикъ нуженъ“...

Въ эту ночь рязанка сблизилась съ „Проходящимъ“, но пойти съ нимъ и съ нимъ осуществить свои мечты отказалась.

— Не годится это мнѣ... не согласна! Кабы ты крестьянинъ былъ, а такъ что толку? Однимъ часомъ жизнь не мѣряютъ, а годами“...

Женщина ушла.

Черезъ пять лѣтъ, заключенный въ Метехскій замокъ въ Тифлисѣ, „Проходящій“ встрѣтилъ тамъ Канева.

— Татьяну рязанскую помнишь?

— Эко, — слово обидать тихонько воскликнулъ онъ. — Не помню! Чать мы вмѣстѣ судились...

— И она? По монѣ?

— А какъ же? Только она тоже случаемъ поцала, все равно, какъ я... Главный-то затѣйщикъ — любовникъ ея — поцѣловъ ея, онъ въ дѣлѣ этомъ — виновникъ... Не десять годовъ заторкала его...

— А ее?

— Татьяну Васильевну да шестъ и меня эдакъ же...

— Дѣти у нея были?

— Пря распутной-то жизни? Нѣтъ, какія

тамъ дѣти... Да и поповичъ-то чахоточный, куда ему...

— Жалко ее...

— Еще бы-та! — шепчетъ Каневъ оживленно. — Женщина, конечно, глупая, однако, прекрасная... просто сказать — рѣдкая... Такъ до людей жалостлива...

— Ты тогда нашелъ ее?

— Это когда?

— Послѣ Успеньева дня.

— Зимой настигъ я ее, за Покровъ уже повернуло время, она около Батума у офицера старенькаго при дѣтяхъ была — жена у него сбѣжала, ну... Она, братъ, деньги имѣла она могла хорошо жить кабы не распутство ея... да и распутство-то — по жалости“... („Моск. Газ.“)